

УДК 165.0:82
DOI: 10.15372/PS20240306
EDN JGHGKP

Н.В. Головки

КОНТЕКСТУАЛИЗМ, ПАРАДОКС КРУГЛЯНСКОГО И НАТУРАЛИЗОВАННАЯ ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

Цель работы – показать, что опираясь на концепцию «необходимости замыкания» А. Круглянского и пользуясь логикой концепции натурализованной эпистемологии, мы можем построить такую разновидность контекстуализма (Д. Льюис, К. Дерос, С. Коэн и др.), в которой установка на «необходимость рассматривать обоснование в неэпистемических терминах» не будет восприниматься как нечто безусловно противопоставляемое условному классическому представлению о нормативности. Натурализация эпистемологии предполагает, что «мы изучаем человека как физического субъекта» (У. Куайн), что дает возможность свободно апеллировать к результатам прикладной психологии. Концепция А. Круглянского раскрывает природу психологической «мотивационной составляющей» приписывающего знание субъекта, который принципиально находится в ситуации, в которой «принятие решений определяется практическими интересами». В качестве эвристики рассматриваются традиционные для контекстуализма примеры, показывающие, что «приписывание знания зависит от того, что стоит на кону» как с точки зрения самого субъекта, принимающего решение, так и с точки зрения третьих лиц, приписывающих знание этому субъекту. На наш взгляд, во всех таких примерах субъект будет знать. Меняется только «внешняя» оценка психологического состояния субъекта (и это позволяет сторонникам контекстуализма говорить о том, что в одних ситуациях субъект знает, а в других – нет), но это ошибка, которую допускает наблюдатель, а не субъект, приписывающий знание.

Ключевые слова: контекстуализм; приписывание знания; психологическая мотивация; необходимость замыкания; когнитивная социальная психология; натурализация; А. Круглянский; У. Куайн

N.V. Golovko

CONTEXTUALISM, KRUGLANSKI'S PARADOX AND NATURALIZED EPISTEMOLOGY

This work aims to show that relying on A. Kruglanski's concept of the need for closure and applying to the logic of naturalized epistemology we may come to a particular

version of contextualism (D. Lewis, K. DeRos, S. Cohen, etc.) in which the tendency “to consider justification in non-epistemic terms” will not be perceived as something that is unconditionally opposed to the classical idea of epistemic normativity. Naturalization of epistemology assumes that “we study a person as a physical subject” (W. Quine), which makes it possible to freely appeal to the results of applied psychology. A. Kruglanski’s concept reveals the nature of the psychological “motivational component” of the subject ascribing knowledge, who is fundamentally in a situation in which “decision-making is determined by practical interests”. As a heuristic, examples traditional for contextualism are considered which illustrate that “knowledge ascription depends on how much is at stake”, both from the point of view of the subject making the decision and from the point of view of third parties ascribing knowledge to this subject. In our opinion, in all such examples, the subject will know. Only the “external” assessment of the psychological state of the subject changes (and this allows supporters of contextualism to say that in some situations the subject knows, and in others does not), but this is an error made by the observer, and not the subject ascribing knowledge.

Keywords: contextualism; knowledge ascription; psychological motivation; need for closure; cognitive social psychology; naturalization; A. Kruglanski; W. Quine

Уиллард Куайн, говоря о необходимости натурализованной эпистемологии, напишет: «Старая эпистемология стремилась в некотором смысле включать в себя естественные науки; она – то, что выстраивало их из чувственных данных. Эпистемология в ее новой интерпретации, наоборот, содержится внутри, принадлежит к естественным наукам как часть (chapter) психологии. Эпистемология изучает человека как физического субъекта. И такое изучение даже может включать что-то вроде старой рациональной реконструкции; подобные реконструкции могут дать намек на реальные психологические процессы точно так же, как мы модельно описываем механические явления. Заметное различие между старой эпистемологией и ее новой психологической интерпретацией заключается в том, что теперь мы можем свободно использовать эмпирическую психологию. В том числе чтобы увидеть, как данные соотносятся с теорией и каким образом теория заглядывает (transcends) за имеющиеся данные» [16, p. 82–83].

Чуть позже Филипп Китчер закрепит эту установку о тезисе «возвращения психологии»: «Подозрительно большое число современных интеллектуалов объявили постфрегеанскую, “аналитическую”, “чистую” философию пришедшей в упадок. Это смерть философии, ее преемниками становятся история, социология и теория литературы. Однако есть по крайней мере одна относительно недооцененная (unappreciated) возможность расширить традицию. Не прошло и ста лет, как из забвения вернулись натуралисты, отрица-

(в отличие от большинства их дофрегеанских предшественников) возможность априорного знания и принимая то, что и психология, и биология должны быть релевантны эпистемологии. Натурализм является очевидным наследником дофрегеанской эпистемологии. Она изучала знание как часть природного, естественного порядка, используя язык психологии, который, конечно же, кажется старомодным (quaint) и отталкивающим (repugnant) для большинства философов начала XX века. И классические, и постфрегеанские философы по понятным причинам склонны считать нормативный характер эпистемологии очевидным, но точно так же общая интеллектуальная тенденция нашей эпохи заключается в том, чтобы считать допотопным (antediluvian) требование необходимости подтверждения ее нормативности. Лучший способ спасти постфрегеанскую эпистемологию – не придавать значимость происходящим изменениям, рассматривать переход к натурализму как обыденность (business as usual)» [11, p. 114].

Между сторонниками и противниками натурализованной эпистемологии (а мы настаиваем на том, что натурализованная эпистемология У. Куайна – это лишь один из примеров гораздо более широкого проекта «натурализации философии», ключевым моментом которого является понятие «основание натурализации», и естественные науки – лишь одно из возможных таких «оснований» [2; 3]) идет вечная дискуссия о природе нормативности познания, помноженная на спор о «чистоте» и строгости философского рассуждения. С точки зрения классического (платоновского, постфрегеанского, логикоцентричного) проекта переход к натурализованной эпистемологии оборачивается весьма неприятной установкой на решение эпистемических вопросов в неэпистемических терминах. И если говоря о предмете приложения условной «намеренной» интерпретации рассуждений У. Куайна – о философии науки и поскольку наука является единственным легитимным источником получения объективного знания, мы можем принять подобное допущение, то с точки зрения самой старой эпистемологии оно как минимум является скандальным. Та же самая скандальность все время присутствует и в работах контекстуалистов. О какой бы версии «контекстуализма» мы ни говорили – о «классиках» (Д. Льюис, С. Козн, К. Дерос), о проблеме «прагматических соображений» (Дж. Фантл, М. Макграт), о разных версиях «инвариантизма» (Дж. Стэнли, Дж. Хоторн, Т. Уильямсон) и т.д., а также о сопутствующих проектах, таких как

«контрастивизм» (А. Мортон, Дж. Шаффер), «релятивизм» (М. Ричард, Дж. Макфарлэн) и др., везде явно неклассический тезис о том, что «обоснование должно пониматься в неэпистемических терминах» понимается как само собой разумеющийся. Тем интереснее логика рассуждений У. Куайна. Нет необходимости жестко противопоставлять «натурализованные» и «классические» интерпретации. Это одно и то же, надо только учитывать тот факт, что «человек как физический субъект» всегда был в центре внимания философии. И в этом смысле, когда мы говорим о том, что перешли к «психологической интерпретации эпистемологии», проблема будет заключаться только в том, чтобы показать, как именно в данном конкретном случае мы перешли от «классического» представления к «натурализованному».

Очевидно, что мы можем рассматривать контекстуализм как натурализованный проект. Да, это означает решение эпистемических вопросов в неэпистемических терминах, но это не будет означать, что мы исключаем контекстуализм и его производные из условного расширенного постфрегеанского проекта. И как отмечает Ф. Китчер, в этом случае от нас не должны требовать, чтобы мы «доказывали» нормативный характер предлагаемой интерпретации. Дэвид Льюис, обосновывая необходимость контекстуализма, указывал на необратимость попадания в ситуацию, в которой «мы находимся между Сциллой фаллибилизма и Харибдой скептицизма. Но обе эти позиции сумасшедшие (mad)! Вы говорите, что S знает, что P , но при этом же говорите, что не можете исключить возможность не- P . Это *звучит* противоречиво. Послушайте, как это звучит: “Он знает, однако не исключил всех возможностей ошибки”, – последовательный (explicit) фаллибилизм *звучит* неправильно (wrong)» [14, р. 550].

Но именно эта ситуация (одновременного присутствия P и возможности не- P) в зависимости от того, какую точку зрения вы выберете, либо «невозможна», либо «органически присутствует» в натурализованной эпистемологии. Один из возможных вариантов, который может спасти контекстуализм (если, конечно, его еще нужно спасать), – это апелляция к модальности. Классические программы и последовательности (тот же постфрегеанский проект) подразумевают необходимость только в логическом смысле, это основа основ философии как таковой. Однако большинство современных проектов вполне допускают, что « S знает, что P , но при этом не мо-

жет исключить возможность не- P ». Более того, эпистемология науки даже обязана допускать историческую относительность знания. И это, согласно Ф. Китчеру, не делает ее «другой», обрекая нас на непрерывное покаяние на фоне признания за логикой «единственного кошерного основания нормативности». Пример рассуждений У. Куайна и Ф. Китчера показывает не только то, как возможна философия в естественной (natural) модальности, отвечающая логике необходимости, закрепленной в естественных науках, но и то, что на самом деле появление, а скорее возвращение такой «естественно-научной философии» не означает неминуемый конец классической традиции.

Ниже мы, в основном опираясь на работы Джейсона Стэнли [18], проиллюстрируем затруднение, с которым сталкиваются различные прочтения контекстуализма и сопутствующих проектов. Ни одна из разновидностей контекстуализма не может адекватно трактовать на едином основании то, что можно обозначить как «проверочный шаблон», – ряд примеров, иллюстрирующих то, что S знает, что P (независимо от того, какую концепцию знания мы принимаем и как мы относимся к необходимости говорить о знании в t), по крайней мере частично определяется практической ситуацией, в которой находится субъект (Дж. Стэнли, Дж. Шаффер, Дж. Хортон и др.).

В частности, Дж. Стэнли, пытаясь обособить свою версию «инвариантизма», рассматривает пять примеров, а также касается сразу нескольких производных парадокса кучи, включая парадокс лжеца, парадокс лотереи и дискуссию вокруг семантики нечетких понятий. Дж. Шаффер приводит семь примеров, вводя в рассмотрение «контекстуализм», «инвариантизм», «догматизм» и «скептицизм» [17]. Примечательно, что это «затруднение» не интерпретируется как проблема. Все согласны с тем, что контекстуализм как направление в эпистемологии не является однородным. И эти примеры используются буквально для того, чтобы обозначить «общие основания для размежевания». Значимым для нас является вывод, который делает Дж. Стэнли: «...Очень сложно *принять*, что имея одни и те же данные в пользу истинности P , один субъект знает, что P , а второй – нет. Однако это может означать, что не только “знание”, но и “данные” являются контекстно-зависимыми. Это значит, что практическая ситуация будет влиять на интерпретацию данных (evidential standing) субъектом по отношению к *убеждению*, что P , а

не просто по отношению к тому, знает ли субъект, что *P*, или нет. Только так мы можем обосновать то, что имея одни и те же данные один субъект знает, а второй – нет» (курсив наш. – Н.Г.) [18, р. 181]. Это тоже одна из разновидностей контекстуализма. И привлекательной ее делает то, *как* в этом случае мы сможем показать, что знание не зависит от «практических соображений».

Наша гипотеза заключается в том, что если мы примем, что «практические соображения» можно трактовать не только как представление о том, что знание зависит от того, «что находится на кону» (Дж. Фантл, М. Макграт, Дж. Хоторн и др.), но и от контекстной зависимости «интерпретации данных по отношению к убеждению», то суть «практических соображений» можно свести к их влиянию на формирование психологической уверенности субъекта в *P*, которая будет определяться «достижением предела, после которого мы уже не формируем убеждение, но обладаем им». Формально этот ход рассуждений можно обозначить как «возвращение психологии». Как отмечает Ари Круглянский, «любая эпистемология – “обыденная”, “нормативная”, “научная” – отражает общий, одинаковый для всех психологический процесс получения (acquisition) знания, который подвержен влиянию одинаковых для всех факторов, недостатков и уязвимостей. “Знание” – это пропозиция, по отношению к которой субъект обладает определенной степенью психологической уверенности (confidence). В этом смысле получение знания предполагает, что (1) пропозициональное содержание должно быть как-то произведено (generated) в сознании и что (2) данная степень уверенности должна быть как-то этой пропозиции придана (bestowed)» [12, р. 9].

Далее мы коснемся лишь одного из моментов, о которых говорит А. Круглянский, – не логической составляющей анализа знания, к которой мы обычно обращаемся, когда описываем обоснование, опираясь на соответствующие данные, а именно психологической «мотивационной составляющей», которая «буквально управляет когнитивным процессом по производству, закреплению за убеждением соответствующего эпистемического статуса и его последующей переоценкой, а также обеспечивает основу для других сопутствующих когнитивных и аффективных, в том числе, поведенческих, реакций субъекта на подтверждение и/или опровержение имеющейся информации». Все это позволит утверждать, что контекстуализм (равно как и другие «постколониальные» проекты эпистемологии,

начинающиеся с отрицания «универсализма» в познании, может затрагивать не только условия познания, но и апеллировать к «неоднородности» субъекта познания, например феминистская эпистемология) не является отдельным самостоятельным типом эпистемологии. Это натурализованная версия условной «классической» эпистемологии с акцентом на психологических особенностях приписывания знания субъектом, который находится в разных практических ситуациях. И в этом смысле во всех примерах, которые традиционно относят к «проверочному шаблону», субъект будет знать. Меняется только «внешняя» оценка психологического состояния субъекта, но это ошибка, которую допускает наблюдатель, а не субъект, приписывающий знание.

Пять примеров Дж. Стэнли

В предыдущей работе, пытаясь ответить на вопрос о том, в каком смысле «эпистемические стандарты», определяющие силу «эпистемической позиции» субъекта, приписывающего знание в данном контексте, могут быть разными для разных контекстов, мы рассматривали, пожалуй, наиболее каноничные примеры (на самом деле все те же «проверочные шаблоны») в пользу контекстуализма: «Аэропорт» С. Коэна и «Банк» К. Дероса [4]. Наш ответ свелся к психологической трактовке того, как работает прагматика задания осмысленности высказывания, которую фиксирует «эпистемический стандарт», отвечающий данному контексту. Ключевой момент заключался в том, что «процесс эпистемической оценки обязательно включает необходимость демонстрации того, что этот процесс легитимно закончен» [1]. Задача, которая стоит перед нами здесь, чуть более масштабна. Нужно не только привести минимальный набор примеров, которые позволят дифференцировать различные версии контекстуализма, но и показать, что уже зарекомендовавшая себя интерпретация контекстуализма с апелляцией к результатам прикладной психологии, на самом деле являясь натурализованной версией контекстуализма, сможет удовлетворить всем этим примерам. В целях унификации изложения мы полагаем, что все значимые примеры, которые приводят С. Коэн, К. Дерос, Дж. Стэнли, Дж. Шаффер, Дж. Хоторн и другие авторы и которые претендуют на то, чтобы выступать «проверочными», не нарушая общности можно свести к следующим.

Low Stakes. В пятницу вечером Сэм, проезжая мимо банка, задумывается о том, чтобы обналичить чек. Однако заметив в банке большую очередь, а также не видя срочной необходимости в деньгах, он собирается обналичить чек в субботу. Сэм помнит, что в прошлую субботу банк был открыт. На этом основании он заключает, что банк будет открыт завтра. Банк будет открыт. Знает ли Сэм, что банк будет открыт?

High Stakes. (исходная ситуация та же, однако Сэму необходимо обналичить чек до понедельника.) На кону значительные неприятности. Сэм помнит, что в прошлую субботу банк был открыт. На этом основании он заключает, что банк будет открыт завтра. Банк будет открыт. Знает ли Сэм, что банк будет открыт?

Несложно догадаться, что это аналоги примеров, которые, в частности, приводят К. Дерос [8], Дж. Шаффер [17], а также Дж. Фантл и М. Макграт [9]. И в зависимости от разновидности контекстуализма ответ на вопрос «Знает ли Сэм в ситуации *High Stakes*?» будет разным. Важно то, насколько явно обозначена возможность совершить ошибку, например на основании «воспоминания о том, что в прошлую субботу банк был открыт». Как напишет Дж. Браун, «контекстуалисты полагают, что такие факторы, как истинность убеждения, его неслучайность или возможность возникновения ошибки, влияют на то, насколько хороша эпистемическая позиция субъекта, и, таким образом, на истинность приписывания знания. Инвариантисты же будут отрицать, что условия истинности приписывания знания будут зависеть от таких факторов» [6, р. 408]. С нашей точки зрения, в рамках предполагаемой натурализованной трактовки контекстуализма Сэм будет знать и в том, и в другом случае. Следующий пример раскроет собственно эпистемическую сторону приписывания знания.

Ignorant Stakes. (Исходная ситуация та же, однако Сэм понятия не имеет/не помнит, нужно ли ему обналичить чек до понедельника или нет.). Сэм помнит, что в прошлую субботу банк был открыт. На этом основании он заключает, что банк будет открыт завтра. Банк будет открыт. Знает ли Сэм, что банк будет открыт?

Очевидно, что это не один, а сразу несколько примеров. Сэм не помнит, потому что никакой необходимости нет, и Сэм не помнит,

но необходимость есть – это разные ситуации. Мы даже можем добавить сюда то, что в каждой из соответствующих ситуаций тот факт, что банк будет открыт завтра, – это случайность, поскольку, например, в банке принято время от времени менять часы работы по субботам и то, что банк был открыт в одно и то же время две субботы подряд, – это редкое событие. И Сэм ничего не знает про эту практику. На наш взгляд, эта ситуация вообще не релевантна рассматриваемым проблемам контекстуализма. Эта ситуация напоминает те, которые, как правило, относят к анализу «эпистемической удачи» (П. Ангер, М. Энгель, Д. Причард и др.), «условию безопасности» (Э. Соса, Т. Уильямсон, Д. Причард и др.) или когда вспоминают А. Голдмана и перцептуальное знание либо Р. Нозика и концепцию эпистемического замыкания. Это пример про фасады амбаров, который, в частности, демонстрирует разницу между обоснованием и гарантированностью, между демонстрацией того, что убеждение истинно, и того, что убеждение является знанием.

Заметим, что в данном случае Сэм не знает ни в одном из возможных случаев *Ignorant Stakes* независимо от того, как много стоит на кону. С другой стороны, если мы посмотрим на этот пример не с точки зрения «постгеттеровской» эпистемологии, а например, с точки зрения эвиденциализма, то ситуации могут быть разные. Уточним постановку: «когда Сэм проезжал мимо банка, у него сломалась машина, и вместо того чтобы зайти в банк и обналичить чек, он целый час прохлаждался, пока ждал эвакуатор». В этом случае Сэм не знает. Налицо явное пренебрежение данными. Эпистемическая оценка предполагает апелляцию ко всем доступным данным, а у Сэма было достаточно времени и была возможность убедиться в чем угодно. Усложним ситуацию: пусть Сэму необходимо обналичить чек до понедельника, и «проезжая мимо банка, Сэм вспомнил, что обещал жене заехать в химчистку. Она будет в ярости. Сэм должен выбрать, остановиться ли у банка или у химчистки». С точки зрения Дж. Шаффера, в последнем случае Сэм знает, поскольку он делает «информированный выбор – он знает достаточно, для того чтобы поступить мудро», естественно, предпочитая заехать в химчистку [17, р. 91]. В то же время с точки зрения Дж. Стэнли, в ситуации, аналогичной «сломавшейся машине», Сэм знает, а в ситуации, аналогичной «забыл про химчистку», не знает. Здесь другая логика рассуждений, отталкивающаяся от того, что привязка знания к «практическим интересам» предполагает не только взвешивание

того, что находится на кону, но и «оценку затрат на продолжение дальнейшего действия». При этом последняя может свидетельствовать как в пользу приписывания знания, так и в пользу отказа от приписывания знания (см., например: [9]).

На наш взгляд, этот пример показателен тем, что у нас есть возможность проследить тот факт, что в приведенных случаях, да и в целом когда мы говорим об интуиции приписывания «знает», *гораздо большим влиянием обладает не то, что стоит на кону, а то, что в данной ситуации имеет большее значение для приписывающего знания.*

Следующие примеры будут различными вариациями примера «Аэропорт», который приводит С. Коэн [7]. И здесь есть два момента. Во-первых, как правило, пример С. Коэна рассматривают как пример о приписывании знания третьему лицу, и это важно само по себе с точки зрения охвата всех возможных ситуаций приписывания знания. Во-вторых, такой вариант не предполагает апелляции к, казалось бы, очевидному: «приписывание знания – это обоснование действия» (см., например: [10]). Мы начинаем с представления о том, что знание связано с практическими интересами и практической рациональностью, но приписывание знания третьему лицу может не предусматривать никакого соответствующего «действия», что в определенном смысле разрушает саму мотивацию прибегнуть к именно «прагматической» интерпретации ситуации.

Low Attributor – High Subject Stakes. (Исходная ситуация та же.) На кону значительные неприятности. Сэм помнит, что в прошлую субботу банк был открыт. На этом основании он заключает, что банк будет открыт завтра.

Sara, подруга Сэма, видела его в банке в прошлую субботу. И она собирается завтра в банк. Ничего существенного для нее на кону не стоит, и она ничего не знает о ситуации, в которой находится Сэм. Рассуждая о том, встретит ли она завтра Сэма в банке, она говорит: «Сэм был в банке в прошлую субботу, а значит, он знает, что завтра банк открыт».

High Attributor – Low Subject Stakes. (Исходная ситуация та же.) Срочной необходимости обналичить чек нет. Сэм помнит, что в прошлую субботу банк был открыт. На этом основании он заключает, что банк будет открыт завтра.

У Джека, делового партнера Сэма, финансовые затруднения, но Сэм этого не знает. Если Сэм не депонирует чек до понедельника (что он и так собирается сделать), то Джека ждут неприятности. Джек видит, что Сэм проехал мимо банка, не проверив часы его работы, и заключает, что Сэм не знает, будет ли банк открыт завтра.

Примечательно то, что по крайней мере часть объяснений соответствующих интерпретаций этих примеров прибегает к трактовке «психологического состояния» приписывающего знание. Например, Дж. Хоторн отмечает, что «анализ возможностей, которые могут нам противоречить, заставляет говорить, что мы не знаем соответствующую пропозицию. Наша оценка правдоподобия события зависит от того, насколько хорошо мы можем его представить. Добавьте сюда тенденцию проецировать субъективный недостаток знания на других, переносить нашу оценку риска и беспоконство. Все это хорошо описано в психологической литературе. Мы склонны переоценивать реальную опасность тех или иных событий и, как следствие, склонны отрицать знание третьих лиц перед лицом факторов, которые кажутся нам опасными. В пессимистическом состоянии ума эпистемические стандарты автоматически становятся необычайно высокими. Это объясняет то, почему иногда мы так критически настроены по отношению к приписыванию знания и самим себе, и другим» [10, p. 164].

Естественно, есть и более каноничные интерпретации. Тот же Дж. Хоторн, ссылаясь на Т. Уильмсона, апеллирует к тому, что «для того чтобы утверждать (*assert*) *P*, субъект должен знать, что *P*» [10, p. 160]. Джек как приписывающий знание, должен знать что Сэм знает, прежде чем утверждать, что Сэм знает. Но по условиям задачи Джек не знает, а значит, он вообще не должен апеллировать к тому, что «Сэм знает» или что «Сэм не знает». И конечно, здесь мы всегда можем возразить, что да, в данном случае Дж. Хоторн объяснил, почему Джек не должен утверждать, что Сэм знает, но вопрос о том, почему же, собственно, Сэм не знает, остался без ответа. К тому же ситуация, в которой находится Джек, напоминает *Ignorant Stakes*, поскольку вполне возможно, что интуиция, что Джек находится в ситуации *High Stakes*, может быть следствием недостаточности каких-то значимых данных, которые могут изменить оценку состояния Джека. Вполне возможно, что Джек знает, что банк будет открыт завтра, а значит, его интерпретация ситуации,

в которой он находится, как *High Stakes* не совсем оправданна, и он в этот момент просто настроен слишком критически и предвзято относится к Сэму.

Аналогичную ситуацию рассматривает К. Бах, когда говорит о том, что «паникующий приписывающий знание будет требовать гораздо больше данных, чем необходимо для знания» [5]. Еще одну классическую интерпретацию приводит Дж. Стэнли: приписывающий знание может допускать не только прагматическую, но и семантическую ошибку. «...Мы склонны путать пропозицию, что субъект знает, и контрфактическую пропозицию, что если бы субъект был в нашей ситуации, то он бы знал. В ситуации *High Stakes* говорящий озабочен результатами принятого решения, и это не та ситуация, когда решается вопрос, знает ли другой независимо ни от чего. То, что важно для говорящего, – это вопрос: если бы другой находился в той же самой ситуации, что и говорящий, знал бы он, что банк будет открыт завтра? Если говорящий не ищет другие источники информации, то его отрицание знания у других можно интерпретировать как отрицание соответствующего контрфактического суждения. Последнее не так явно осознается субъектом, как отрицание знания у другого, но именно оно направляет интуицию говорящего» [18, p. 104].

На наш взгляд, в этих ситуациях, точно так же как и в предыдущих, мы снова можем акцентировать внимание на том, что в конечном итоге значимым является не то, что стоит на кону перед субъектом, которому приписывается знание, а то, что важно для того, кто приписывает знание. И в этом смысле переход к «психологической трактовке» интуиции, возникающей у приписывающего знание, нисколько не нарушает общую канву контекстуализма. Наша задача – поставить «лошадь» психологии впереди «телеги» семантики и прагматики. Более того, акцент на «психологической трактовке» интуиции приписывания знания должен объяснять, почему такие-то и такие-то паттерны приписывания знания являются для нас более естественными и чаще встречающимися, чем другие.

Прикладная психология и натурализованная эпистемология

В первом приближении ситуации *Low Attributor / High Attributor* аналогичны ситуациям *Low Stakes / High Stakes*: осознание риска

допустить ошибку именно как «психологическая уверенность» мешает нам признать то, что субъект знает. На один из возможных вариантов контекстуализма, апеллирующего к «психологическим механизмам», указывает Дж. Нагель: «...Есть эмпирические лингвистические данные о контекстной зависимости приписывания знания, а есть данные прикладной психологии о формировании убеждения и его приписывании. Существует психологический эффект “необходимость замыкания” (need-to-closure), где “замыкание” означает *переключение* от формирования (formation) к наличию (possession) убеждения. До “замыкания” мы определяем, какое убеждение выбрать, что составляет содержание предполагаемого убеждения, отвечающего данному положению дел, мы ищем информацию и взвешиваем альтернативы; после “замыкания” у нас появляется субъективная уверенность в надежности (solid) результата. Именно *уровень* необходимости замыкания устанавливает точку, после которой мы считаем, что ответили на поставленный вопрос. Субъекты с разным уровнем необходимости замыкания будут различаться (differ) в понимании того, знают они или нет, на основании их понимания надежности или ненадежности соответствующего убеждения. *Нет необходимости* обращаться к нетрадиционной эпистемологии, для того чтобы объяснить разницу, которую привносит “практический интерес”, когда мы говорим о рисках совершить ошибку» [15, p. 281].

Важность принимаемого решения, осознание риска, недостаток времени и т.д. – это факторы, которые влияют на психологическое состояние субъекта, в том числе тем, что заставляют его *подсознательно* повышать «уровень необходимости замыкания» – тот психологический «уровень», который определяет границу, до которой субъект «еще формирует» убеждение, а после которой «уже обладает» убеждением. Именно в этом смысле у нас возникает ложная интуиция, что решение, принимаемое субъектом в ситуации, «от которой много что зависит», на самом деле принимается крайне поспешно и с меньшей тщательностью. Рассматривая случаи *High Attributor* и *High Stakes*, мы сразу готовы сказать: данных у субъекта явно недостаточно для того, чтобы знать, и демонстрируемая субъектом уверенность, скорее всего, является следствием поспешности мышления или принятия желаемого за действительное. Но почему? Посмотрим на концепцию «необходимости замыкания» более подробно.

Концепция «необходимости замыкания» Ари Круглянского – это часть его более общей теории «обыденной эпистемологии» (Lay Epistemics), которая посвящена «когнитивным процессам получения знания, психологическим факторам и принципам, оказывающим влияние на формирование, оценку и пересмотр знания в самых различных его областях» (см., например: [12]). Отдельно описывая факторы, воздействующие на оценочное поведение, А. Круглянский вводит категорию «эпистемических мотиваторов»: «Ни одна эпистемическая активность, связанная с порождением убеждений, не обходится без мотивационного элемента, который запускает ее, прерывает в какой-то точке и обеспечивает основания для когнитивной и аффективной реакции субъекта на оценку (validation) поступающей информации. В целом, процесс кристаллизации и изменения знания подобен процессу производства и оценки гипотез. Их производство апеллирует к способности субъекта генерировать идеи, а также быть соответствующим образом мотивированным. Существует *четыре* основные категории эпистемических мотиваторов: (1) необходимость в неспецифическом (non-specific) замыкании, которая способствует ранней окончательной фиксации (freezing) убеждений или достижению более скорого принятия решения; (2) необходимость избегать (avoid) неспецифического замыкания, выражающая нежелание склоняться (commit) к какому-то определенному суждению, а также предрасположенность к тому, чтобы разблокировать (unfreezing) имеющиеся убеждения; (3) необходимость в специфическом замыкании, которая может обернуться как фиксацией, так и разблокировкой убеждений в зависимости от степени их привлекательности (desirability) для субъекта; (4) необходимость избегать специфического замыкания в силу каких-то нежелательных характеристик убеждений» [12, p. 32].

Естественно, в реальной ситуации, учитывая принципиально гипотетическую (контингентную) природу приписывания данному убеждению характеристики «знания» (в том виде, как ее понимает А. Круглянский), нельзя сказать, что субъект сейчас переживает какую-то строго одну «эпистемическую мотивацию», скорее речь идет о том, что он переживает их сразу все. Самое главное здесь, конечно, то, что у нас появляется возможность конструктивно говорить об «общей функции начала и завершения эпистемической активности», о том, что позволяет оценить, как относительная «эпистемическая сила» субъекта будет влиять на степень, направление

и результаты сбора данных (информации в целом) в конкретный момент времени. В тот момент, когда субъект вынесет решение, т.е. припишет «знание». В этом смысле разница ситуаций, в которых находятся Сэм, Сара и Джек, очевидно, будет определяться тем, какого типа «замыкание» (специфическое или неспецифическое) мотивирует и определяет конкретное принимаемое решение.

Остановимся на некоторых моментах концепции А. Круглянского, которые, на наш взгляд, наилучшим образом помогут понять то, что происходит в обозначенных «пяти примерах Дж. Стэнли». Сразу стоит отметить, что «приписывание (attribution) – это оценка (judgment) специального вида, чье содержание является причинным. И такие оценки можно привязать к обозначенным мотивационным категориям. Приписывающий отталкивается (departs) от условной (вида “если, то”) взаимосвязи, предположительно существующей между X и Y , и переходит (proceeds) к выводу Y на основании X . Проблема состоит в том, как схватить процесс, посредством которого проверяются причинно-следственные гипотезы; и в этом смысле интересно посмотреть, является ли такая проверка логической по своей природе. В литературе неоднократно отмечалось, что необходимость субъекта когнитивно структурировать окружающий мир, “достичь когнитивного мастерства задавать каузальную структуру своего окружения” (Kelly, 1967, p. 193) является мощным мотивационным стимулом для приписывания. Как правило, исследования, в которых подчеркивается потребность людей в понимании “причинной структуры своего окружения”, обращаются (allude) к необходимости неспецифического замыкания в отношении убеждений, схватывающих причинные отношения; исследования защитных (или усиливающих эго) приписываний обращаются к необходимости специфического замыкания или его избегания; исследования, в которых подчеркивается предпочтительность неопределенности приписывания характеристик, обращаются к необходимости избегать неспецифического замыкания» [12, p. 83].

Очевидно, что мы можем говорить о необходимости замыкания как следствии осознанной субъектом необходимости приписать ту или иную характеристику. И более того, ситуация, в которой исходное замыкание и сопутствующее «приписывание» будут полагаться по каким-то причинам неадекватными, приведет к более высокому уровню необходимости замыкания. Также очевидно, что говоря о «приписывании», мы будем склонны говорить об «эпистемиче-

ской мотивации» в терминах необходимости специфического замыкания, о предпочтительности тех или иных заключений, которые будут сопровождать сам процесс и результаты «приписывания». И точно так же с учетом того, что было сказано выше, мы можем отметить, что субъективные представления, например позитивная оценка того, что в данный момент соответствует нашим интересам, как основания «эпистемической мотивации» в терминах необходимости замыкания приведут «к уменьшению числа альтернативных объяснений/приписываний». Это та самая «тенденция фиксации (freezing) на ранее предложенных гипотезах, которая отрицательно сказывается на качестве анализа имеющейся информации».

Примечательно, что А. Круглянский отдельно оговаривает то, что и «информационный», и «мотивационный» аспекты приписывания, как правило, приводят к одному и тому же. Обычно все, что касается «мотивации» субъекта, принимающего решение, интерпретируется как менее объективное и менее рациональное, чем то, что касается «объективной» информации и результатов работы с ней, таких как «согласованность», «учет противоречащих данных», «консенсус среди экспертов» и т.д. «Наша модель предполагает, что функция мотивации в приписывании заключается в инициировании и/или завершении последовательности производства и проверки гипотез, посредством которых формируется знание. Потребность в неспецифическом замыкании вызывает процесс приписывания и быстро его останавливает, как только правдоподобная гипотеза сгенерирована и признана соответствующей имеющимся данным. Необходимость в специфическом замыкании или избегании специфического замыкания останавливает или, наоборот, разгоняет процесс приписывания в зависимости от того, соответствовала ли текущая гипотеза желаемому положению дел или нет. Необходимость в избегании неспецифического замыкания вызывает прекращение процесса в случаях, когда преобладает неоднозначность данных и гипотез. Мы полагаем, что результаты работы всех этих форм мотивации полностью совпадают с применением различных моделей работы с информацией в тех же самых ситуациях приписывания. Например, появление альтернативной гипотезы, вызванное необходимостью избежать замыкания, может привести к снижению уверенности в исходной гипотезе. Мотивация достижения неспецифического или специфического замыкания может привести к повышению или снижению чувствительности к различным типам информации

в зависимости от того, кажется ли такая информация согласованной или не согласованной с желаемым результатом замыкания» [12, р. 78].

Более того, А. Круглянский подчеркивает, что разные источники «эпистемической мотивации» могут приводить к одинаковым ее формам: «Например, вопросы самооценки иногда могут служить источником необходимости в неспецифическом замыкании (как в случае эксперта, чья репутация зависит от ответа на вопрос); в других случаях они могут служить источником необходимости в специфическом замыкании (когда решение фактически определяется каким-то интересом); потребность в осуществлении контроля иногда может служить источником необходимости в специфическом замыкании, особенно в ситуациях, когда субъект выносит решение по поводу вопросов, которые кажутся ему важными или на которые он имеет влияние, тогда как в других случаях та же потребность в контроле может вызывать стремление к необходимости в неспецифическом замыкании. В отличие от других исследований, которые часто подчеркивают источник мотивации (вопросы самооценки, необходимость контроля, социального одобрения и т.д.), наш анализ сосредоточен в первую очередь на конечном состоянии эпистемического анализа – на состоянии замыкания. Причиной выбора такого фокуса является предположение, что различные возможные источники одной и той же эпистемической мотивации могут быть *функционально эквивалентны* именно в отношении процесса приписывания. Например, мотивация к неспецифическому замыканию может возникать из потребности в самооценке, из потребности чувствовать контроль или принимать решение в спешке. Во всех этих случаях склонность субъекта к производству новых гипотез или чувствительность к противоречивой информации могут быть затронуты аналогичным образом – подавляться» [12, р. 76].

Важный вывод заключается в том, что в отношении «приписывания» гораздо большее значение имеет «конечное состояние эпистемического процесса» – то, к чему стремится приписывающий, т.е. к замыканию или к избеганию от него, а не источник этих стремлений в конкретных потребностях и не конкретная модель работы с имеющейся информацией. Неважно, какой именно потребностью мотивировано решение субъекта, если он находится в ситуации с высокой степенью необходимости замыкания. Решающее значение в «приписывании» будет иметь именно этот (последний) факт, определяющий условный модус замыкания.

Кроме того, отдельно оговариваются моменты, касающиеся «степени уверенности» субъекта, приписывающего знание. Во-первых, приписывание знания происходит в конкретной ситуации, в которой субъект уже владеет какими-то «начальными данными»: у нас есть конкретная исходная ситуация, эпистемическая активность не может начинаться с пустого исходного состояния. Степень доверия начальной информации важна, поскольку она оказывает влияние на качество анализа имеющейся информации. «Как показывают исследования, необходимость замыкания запрещает (inhibit) эпистемическую активность, а необходимость избегать замыкания, вызванная страхом совершить ошибку, способствует (facilitate) ей. Однако многое зависит от того, насколько достоверным субъект считает свое знание на начальном этапе. В ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания субъект, который начинает с кристаллизованного знания, уже имеет достаточно материала и, следовательно, может быть не мотивирован на дальнейший поиск информации. Если информация недостаточно прояснена (ambiguity), то субъект будет мотивирован на ее поиск. В ситуации с высоким уровнем уверенности в начальном знании высокий уровень необходимости замыкания приводит к тому, что степень анализа информации будет *ниже* (определялось по количеству привлекаемой информации и желанию пересмотреть исходную информацию), чем при низком уровне необходимости замыкания. В ситуации с низким уровнем уверенности в начальном знании высокий уровень необходимости замыкания приводит к тому, что степень анализа информации будет *выше*. Для субъекта с высоким уровнем необходимости избегания замыкания ситуация обратная. Начиная с достаточно кристаллизованного знания и не стремясь к замыканию, субъект может быть мотивирован на дальнейший поиск информации. Но если начальное знание недостаточно прояснено, то субъект может испугаться подвергнуть опасности даже то, что есть. В ситуации с высоким уровнем уверенности в начальном знании высокий уровень необходимости избегания замыкания приводит к тому, что степень анализа доступной информации и активность в поиске новой информации будет *выше*. В ситуации с низким уровнем уверенности в начальном знании высокий уровень необходимости избегания замыкания приводит к тому, что степень анализа информации будет *ниже*» [12, р. 38–39].

Если Сэм доверяет начальной информации: «на основании того, что банк был открыт в прошлую субботу, разумно предполо-

жить, что банк будет открыт завтра», – то он не будет искать новую информацию и стараться пересмотреть свое заключение.

Во-вторых, эпистемическая мотивация может влиять на нашу субъективную уверенность относительно имеющихся «гипотез», в том числе перед лицом новых данных. «Общее правило (Kelly, 1971) говорит о том, что весьма вероятно, что субъект, который рассматривает множество соперничающих гипотез, может обладать более низкой степенью уверенности в каждой из них, чем субъект, который рассматривает только одну или несколько гипотез. Как показывают исследования, в ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания субъект будет рассматривать меньшее количество гипотез, чем субъект, находящийся в ситуации с высоким уровнем необходимости избегания замыкания. Более того, в первом случае субъект будет испытывать большую степень уверенности в имеющихся гипотезах. Уверенность субъекта в своих первоначальных гипотезах будет высокой в ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания и низкой в ситуации с высоким уровнем необходимости избегания замыкания. И наоборот, активность поиска информации (в эксперименте – количество раз, когда субъект опять обращается к данным тахистоскопа; в 2009 г. мы участвовали в качестве респондента в экспериментах с тахистоскопом, подтверждающих выводы теории А. Круглянского. – *Н.Г.*) будет высокой в ситуации с высоким уровнем необходимости избегания замыкания и низкой в ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания. Более того, степень уверенности будет выше в той же самой степени, в которой субъект в ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания лучше, чем субъект в ситуации с высоким уровнем необходимости избегания замыкания, смог проинтерпретировать изображение на экране тахистоскопа. Когда новый стимул на экране тахистоскопа противоречил предыдущей гипотезе субъекта, сдвиг степени уверенности мог быть отрицательным. Когда он подтверждал предыдущую гипотезу субъекта, сдвиг степени уверенности был положительным. Величина сдвигов уверенности субъекта (как положительных, так и отрицательных), вызванных каждым последующим предъявлением стимула, была *высокой* в ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания и *низкой* в ситуации с высоким уровнем необходимости избегания замыкания» [12, р. 41].

Страх ошибиться в ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания может приводить к тому, что любое данное, проти-

воречащее исходной гипотезе, автоматически будет рассматриваться как данное, которое якобы существенным образом должно повлиять на степень уверенности субъекта. То же самое справедливо при приписывании знания третьим лицам. Джек полагает, что «уверенность» Сэма недостаточно «сильная», и поэтому Сэм не знает. Но тот факт, что «Сэм проехал мимо банка и не проверил часы работы», не имел бы той «эпистемической силы», которую приписывает ему Джек, если бы он не находился в ситуации необходимости специфического замыкания.

Более того, представим ситуацию, когда частью «исходной гипотезы» является представление о том, что субъект полагает, что в «данной области знания он является или не является экспертом». Этот пример известен как «самоприписанный эпистемический авторитет» (*self-ascribed epistemic authority*), и здесь, конечно, «субъекты, низко оценивающие свой эпистемический авторитет, могут испытывать трудности в получении достаточно уверенных (*confident*) знаний из личного опыта и могут извлекать из них меньше пользы, чем из ситуаций, в которых тот же самый предмет интерпретируется для них другим субъектом – внешним авторитетом. И наоборот, субъекты, высоко оценивающие свой эпистемический авторитет, могут извлекать большую пользу из ситуаций, основанных на их опыте, по сравнению с ситуациями, в которых их опыт дополнительно интерпретируется внешним авторитетом» [12, р. 41]. Можно ли сказать, что Сара, рассуждая о том, встретит ли она завтра Сэма в банке, высоко оценивает свой эпистемический авторитет? Скорее всего, нет. Тем более что ситуация явно отвечает необходимости неспецифического замыкания (в описании ситуации подчеркивается, что «для нее ничего существенного на кону не стоит»), и, по сути, первый же попавшийся достаточно адекватный ответ будет считаться единственно верным. Аналогично Джек, очевидно, уже приписал себе «высокую оценку своего эпистемического авторитета», – он сделал это в ситуации высокой необходимости специфического замыкания, которая продиктована тем, что он сам находится в ситуации *High Stakes*.

Таким образом, на наш взгляд, в концепции А. Круглянского есть все необходимые элементы для того, чтобы построить достаточно адекватную «психологическую интерпретацию» приведенных канонических примеров в пользу контекстуализма, не прибегая к необходимости изобретать особую «контекстуалистскую» эпистемо-

логию. Интуитивно обыденная интерпретация примеров *Low Stakes* и *High Stakes* понятна. В обоих случаях Сэм располагает одними и теми же данными, но мы считаем, что поставленные жесткие ограничения (в другой ситуации это могли бы быть недостаток времени, отвлекающий шум, усталость и т.д.) по определению отрицательно сказываются на достоверности заключения. Теперь же мы можем сказать, что самая простая трактовка примера *Low Stakes* будет предполагать, что Сэм находится в ситуации с низким уровнем необходимости замыкания либо в ситуации с высоким уровнем необходимости избегания замыкания, для которой характерны «ранняя окончательная фиксация (freezing) убеждений или достижение более скорого принятия решения». И в этом смысле велик соблазн обозначить пример *High Stakes* как ситуацию с высоким уровнем необходимости специфического замыкания и точно так же сослаться на приведенный паттерн фиксации убеждений. Однако здесь все еще останется вопрос о достоверности заключения, сделанного Сэмом. Частью представления о «необходимости замыкания» является представление о «принятии решения» – моменте, когда «приписывание» произошло или когда произошло «переключение от формирования убеждения к его наличию».

Важно подчеркнуть, что высокая необходимость замыкания по-разному проявляет себя на этапах до и после собственно «замыкания». А. Круглянский пишет: «Необходимость замыкания проявляется в двух общих тенденциях: в срочности (urgency), отражающей склонность достичь замыкания как можно быстрее, и в постоянстве (permanence), отражающей склонность сохранять (maintain) замыкание как можно дольше. Субъекты в ситуации с высокой необходимостью замыкания ощущают, что его нужно достичь немедленно. Любая задержка переживается как беспокойство, субъект просто не может ждать. Отсутствие замыкания отвратительно (aversive). Такое неприятное состояние нужно срочно прекратить (срочность) и дальше стараться больше никогда к нему не возвращаться (постоянство). И точно так же после замыкания субъект буквально испытывает отвращение (abhor) к ощущению возможности его потерять. Субъект в ситуации с высокой необходимостью замыкания будет схватывать (seize) любую сопутствующую информацию как можно раньше и фиксировать (freeze) ее, становясь невосприимчивым (impervious) ко всем последующим данным. При прочих равных, прежде чем прийти к заключению, субъект проанализирует

меньше данных и генерирует меньше отвечающих этой информации конкурирующих гипотез. Но парадоксальным образом он будет ощущать большую уверенность в принятом решении, даже если эти гипотезы объясняют меньше. Такое поведение не только влияет на качество анализа имеющейся информации, но и может находить отражение в большом количестве социальных психологических явлений. Эпистемическая мотивация играет важную роль при производстве знания в социальном контексте. В ситуациях с высокой необходимостью замыкания люди будут основывать свои решения преимущественно на стереотипах (они по своей природе подготовлены так, чтобы ими пользовались моментально) и ранее приобретенных знаниях; обретение новой информации требует времени и усилий. Тенденция постоянства может проявлять себя в конформизме и предпочтении мнений, которые с меньшей вероятностью будут подвержены критике со стороны других значимых субъектов. В ситуациях с высокой необходимостью замыкания люди будут стараться ассоциировать себя с теми, кто думает так же, позитивно оценивать групповые решения и негативно относиться к мнениям, разрушающим консенсус» [13, р. 265].

Подобная двойственная характеристика ситуаций с высокой необходимостью замыкания, например, дает возможность объяснить явление, которое получило название «парадокс Круглянского» или парадокс «необоснованной уверенности» (*unfounded confidence*). В ситуации с высокой необходимостью замыкания уверенность субъекта в полученном заключении необоснованно высока по отношению к той информации, которую субъект обработал. Как правило, считается, что та же информация в других условиях не могла бы обосновать такой уровень уверенности, для достижения которого обычно требуется обработать гораздо больше информации. В этом смысле достоверность сделанного Сэмом заключения – «банк будет открыт завтра» – является следствием именно такой трактовки ситуации, которую при прочих равных мы действительно могли бы считать парадоксальной.

Здесь также можно вспомнить парадокс «бороться, но не переключаться» (*fight rather than switch*). Находясь в ситуации с высокой необходимостью замыкания, субъект может не найти общий язык с другим субъектом, который не находится в аналогичной ситуации, что может привести к, казалось бы, нерациональному поведению – отстаиванию своей позиции, несмотря ни на что. Субъект в ситуа-

ции с высокой необходимостью замыкания не тратит силы на трудоемкую обработку информации, но в конечном итоге потратит значительную эмоциональную энергию на жаркий спор при отстаивании своей позиции. При этом на этапе «до приписывания» субъект по определению открыт для возможности «воспринимать альтернативные мнения», но на этапе «после» этой возможности уже нет.

Что касается примеров *Low Attributor – High Subject Stakes* и *High Attributor – Low Subject Stakes*, то это ситуации, которые иллюстрируют «приписывание знания третьим лицам», и тут особую роль будет играть то, как мы разнесем интерпретации того, что, собственно, происходит с Сэмом (и они не будут отличаться от интерпретаций, приведенных для примеров *Low Stakes* и *High Stakes*) и что происходит с Сарой и Джеком. Например, мы можем предположить, что Сара находится в ситуации с низким уровнем необходимости замыкания, а Джек – в ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания, и повторить буквально все то, что мы привели, описывая аналогичные ситуации, в которых находится Сэм. Мы снова апеллируем к важным для нас моментам концепции А. Круглянского – к тому, как субъект оценивает информацию, и тому, как обретается психологическая уверенность в принимаемом решении. Однако мы делаем это не для Сэма, а для наблюдателя, приписывающего знание Сэму. Это пример «Аэропорт», и тут логика «важно не то, что стоит на кону, а то, что сейчас важно для приписывающего» проявляется наиболее четко. И конечно, анализ психологической «мотивационной составляющей» принятия решения мы всегда можем дополнить рассуждениями об «эпистемических стандартах» и силе «эпистемической позиции» субъекта, приписывающего знание именно в данном контексте, – внимательно рассматривая конкретную ситуацию «прагматического приписывания» знания [1].

В любом случае «необходимость замыкания» – это один из примеров понятий, которые *связывают* «практические» и «эпистемические» факторы. И именно в этом смысле мы готовы настаивать на том, что соответствующая натурализованная версия контекстуализма на самом деле не противоречит «классическому» представлению об эпистемической нормативности. Натурализованная эпистемология «изучает человека как физического субъекта». Все, что мы хотели бы сказать о необходимости приписывания знания, так или

иначе будет отсылать к психологической «эпистемической мотивации».

Особый интерес, естественно, будут представлять «кажущиеся предельными» производные случаи: *High Attributor – High Subject Stakes*, или *Low Attributor – Low Subject Stakes*, или различные походящие интерпретации *Ignorant Stakes*. И тут снова нужно вспомнить слова Ф. Китчера о том, что добавление «психологических факторов» в анализ знания не означает, что у нас вдруг «знание стало определяться в неэпистемических терминах». Тот факт, что мы рассматриваем сложный контекст, на самом деле является всего лишь еще одним примером, подчеркивающим принципиально *субъективный* характер приписывания эпистемического статуса убеждению. В терминах разделения «обоснования» и «гарантированности» нет ничего странного в том, что мы хотим схватить то, как именно практическая ситуация влияет на обоснование (Джек находится в ситуации с высоким уровнем необходимости замыкания и т.д.), но это не означает, что мы в неэпистемических терминах таким образом схватим то, как истинное убеждение становится знанием. В терминах разделения «контекста использования» и «контекста приписывания» тот факт, что мы определяем какое-то убеждение как истинное или ложное в контексте использования (что контекстуализм как разновидность эпистемического релятивизма и делает ключевым своим тезисом), совершенно не означает, что эту же интуицию мы просто так можем перенести в контекст приписывания, который мы при прочих равных можем рассматривать в психологических терминах. С учетом концепции необходимости замыкания А. Круглянского в рамках натурализованного представления об эпистемологии, подчеркивая продуктивность «возвращения психологии», мы утверждаем, что Сэм знает во всех приведенных случаях.

Литература

2. Головки Н.В. Натурализация эпистемологии и «возвращение психологии»: проблема мотивации // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 120–124.

3. Головки Н.В. Теоретические и операциональные ограничения в эпистемологии науки: преодоление логицизма // Философия науки. 2007. № 1 (32). С. 33–69.

1. Головки Н.В. Контекстуализм, тезис Льюиса и практическое окружение // Философия науки. 2023. № 4 (99). С. 65–88.

4. *Golovko N.V.* Эвиденциализм, тезис Фантла – Макграта и аргумент от ошибки // *Respublica Literaria*. 2023. Т. 4, № 4. С. 5–13.
5. *Bach K.* The Emperor’s New “Knows” // *Contextualism in Philosophy: On Epistemology, Language and Truth* / Ed. by G. Preyer, G. Peter. Oxford University Press, 2005. P. 51–90.
6. *Brown J.* Contextualism and warranted assertibility manoeuvres // *Philosophical Studies*. 2006. Vol. 130. P. 407–435.
7. *Cohen S.* Contextualism, skepticism, and the structure of reasons // *Philosophical Perspectives*. 1999. No. 13. P. 57–89
8. *DeRose K.* Contextualism and knowledge attributions // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1992. Vol. 52. P. 913–929.
9. *Fantl J., McGrath M.* Evidence, pragmatics, and justification // *Philosophical Review*. 2002. Vol. 111, No. 1. P. 67–94.
10. *Hawthorne J.* *Knowledge and Lotteries*. Oxford University Press, 2004.
11. *Kitcher P.* The naturalists return // *Philosophical Review*. 1992. Vol. 101, No. 1. P. 53–114.
12. *Kruglanski A.* *Lay Epistemics and Human Knowledge*. Springer Science, 1989.
13. *Kruglanski A., Webster D.* Motivated closing of the mind: Seizing and freezing // *Psychological Review*. 1996. Vol. 103, No. 2, P. 263–283.
14. *Lewis D.* Elusive knowledge // *Australasian Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 74. P. 549–567.
15. *Nagel J.* Knowledge ascriptions and the psychological consequences of changing stakes // *Australasian Journal of Philosophy*. 2008. Vol. 86. P. 279–294.
16. *Quine W.* *Epistemology naturalized* // *Ontological Relativity and Other Essays* / Ed. by W. Quine. N.Y.: Columbia University Press, 1969. P. 69–90.
17. *Schaffer J.* The irrelevance of the subject: Against subject-sensitive invariantism // *Philosophical Studies*. 2006. Vol. 127. P. 87–107.
18. *Stanley J.* *Knowledge and Practical Interests*. Oxford University Press, 2005.

References

1. *Golovko, N.V.* (2023). Kontekstualizm, tezis Lyuisa i prakticheskoe okruzhenie [Contextualism, Lewis’s argument and practical environment]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 4 (99), 65–88.
2. *Golovko, N.V.* (2007). Naturaizatsiya epistemologii i “vozvrashchenie psikhologii: problema motivatsii [Naturalization of epistemology and reintroducing of psychology: the motivation problem]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 294, 120–124.
3. *Golovko, N.V.* (2007). Teoreticheskie i operatsionalnye ogranicheniya v epistemologii nauki: preodolenie logitsizma [Theoretical and operational constraints in epistemology of science: overcoming of logicism]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1 (32), 33–69.
4. *Golovko, N.V.* (2023). Evidentsializm, tezis Fantla – Makgrata i argument ot oshibki [Evidentialism, Fantl–McGrath’s thesis and the argument from error]. *Respublica Literaria*, Vol. 4, No. 4, 5–13.
5. *Bach, K.* (2005). The Emperor’s New “Knows”. In: Preyer, G. & G. Peter (Eds.). *Contextualism in Philosophy: On Epistemology, Language and Truth*. Oxford University Press, 51–90.

6. *Brown, J.* (2006). Contextualism and warranted assertibility manoeuvres. *Philosophical Studies*, 130, 407–435.
7. *Cohen, S.* (1999). Contextualism, skepticism, and the structure of reasons. *Philosophical Perspectives*, 13, 57–89.
8. *DeRose, K.* (1992). Contextualism and knowledge attributions. *Philosophy and Phenomenological Research*, 52, 913–929.
9. *Fantl, J. & M. McGrath.* (2002). Evidence, pragmatics, and justification. *Philosophical Review*, Vol. 111, No. 1, 67–94.
10. *Hawthorne, J.* (2004). *Knowledge and Lotteries*. Oxford University Press.
11. *Kitcher, P.* (1992). The naturalists return. *Philosophical Review*, Vol. 101, No. 1, 53–114.
12. *Kruglanski, A.* (1989). *Lay Epistemics and Human Knowledge*. Springer Science.
13. *Kruglanski, A. & D. Webster.* (1996). Motivated closing of the mind: Seizing and freezing. *Psychological Review*, Vol. 103, No. 2, 263–283.
14. *Lewis, D.* (1996). Elusive knowledge. *Australasian Journal of Philosophy*, 74, 549–567
15. *Nagel, J.* (2008). Knowledge ascriptions and the psychological consequences of changing stakes. *Australasian Journal of Philosophy*, 86, 279–294.
16. *Quine, W.* (1969). *Epistemology naturalized*. In: Quine, W. (Ed.). *Ontological Relativity and Other Essays*. New York, Columbia University Press, 69–90.
17. *Schaffe, J.* (2006). The irrelevance of the subject: Against subject-sensitive invariantism. *Philosophical Studies*, 127, 87–107.
18. *Stanley, J.* (2005). *Knowledge and Practical Interests*. Oxford University Press.

Информация об авторе

Головко Никита Владимирович. Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8)
golovko@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Golovko, Nikita Vladimirovich. Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia)

Дата поступления 17.08.2024